Сергей Севрюгин

Особенности корейской религиозной организации «Чхондогё» и причины ее сотрудничества с коммунистами

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-128-145

Sergei Sevriugin

Characteristics of the Korean Religious Organization Cheondogyo and the Reasons for its Cooperation with the Communists

Sergei Sevriugin — Academy of Korean Studies (한국학중앙연구원), Institute of Asian Religions (아시아종교연구원). sergey.sevryugin@mail.ru

This article analyzes the characteristics and activities of the religious organization Chondogyo in the first half of the twentieth century, which ultimately led it to the cooperation with the communists. Particular attention is paid to the perception of the "revolution" within the framework of the Korean doctrine of Gaebyeok, which in many ways brought together two seemingly completely different ideologies. A study of archival materials showed that in the conditions of the non-modern society and the absence of the sacred and profane dichotomy religion often becomes a basis for the formation of national identity. Besides, it also frequently served as a way of expressing desires for completely secular ideas of political and social transformations. This fact becomes especially noticeable with a shift of the religious focus from "another" world to this one, as well as with the advent of eschatological ideas that aquired, in contrast to the western analogues, some cyclical features.

Keywords: Boguganmin, Cheondogyo, Chongu Party, Comintern, Donghak, Gaebyeok, Insicheon, Jisang Cheonguk, Revolution, Yeonwon.

Севрюгин С. Особенности корейской религиозной организации «Чхондогё» и причины её сотрудничества с коммунистами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40(2). С. 128–145.

Sevriugin, Sergei (2022) "Characteristics of the Korean Religious Organization Cheondogyo and the Reasons for its Cooperation with the Communists", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 40(2): 128–145.

К концу второго десятилетия XX в. духовный наследник учения Чхве Джеу, положенного в основу крестьянского восстания *Тонхак* (동학, 東學), *Чхондогё* (천도교, 天道教) — по названию полученного его основателем от божественной сущности откровения *чхондо*, то есть «Небесный путь» (천도, 天道), — превратилось в одну из наиболее организованных и всепроникающих организаций на корейском полуострове и в близлежащих регионах. Ее ключевой идейный лидер Сон Бёнхи изначально старался дистанцироваться от мятежной репутации первого, проведя реформу организации в соответствие с тогда еще только появившейся в Корее концепции «религии», по-корейски записывающейся как *чонгё* (종교, 宗教).

Одним из наиболее символических его решений стала замена иероглифа *хак* (학, 學) в названии организации, который сегодня обычно переводят как *наука*, — на *кё* (교, 教), то есть учение. До широкого распространения западной концепции религии в странах, использующих в качестве основной письменности китайские иероглифы, для обозначения того, что в европейском понимании условно допустимо охарактеризовать как «религиозные учения», которые, естественно, есть и в Корее, использовались либо *то* (도, 道), то есть путь, либо чаще всего ранее упомянутый *хак*.

Однако, как указывают такие исследователи, как Чан Сокман, ранее значение этого иероглифа сильно отличалось от нынешнего его понимания. В таких словах, как «юхак» (유학, 儒學) и «пульхак» (불학, 佛學), которые сегодня соответственно перевели бы как конфуцианство и буддизм, он имел не узкорелигиозное значение, а указывал на универсальность концепта, «охватывающего все стороны жизни»[1]. В целом с некоторыми оговорками здесь можно говорить о размытости границ между сакральным и профанным, или священным и мирским, если использовать терминологию Мирчи Элиаде.

Введение же более привычного иероглифа *кё* стало следствием процесса модернизации и прихода на полуостров оформившейся на европейском континенте в эпоху Просвещения концепции «религии» как некоей отдельной сферы человеческой жизни. Ее неотъемлемыми атрибутами в представлении корейцев, ранее по большей части не знакомыми с подобными идеями, стало на-

1. *Чан Сокман.* Хангук Кынде Чонгёран Муосинга? [Что такое корейская современная религия?]. Сеул: Издательство Чхониль, 2017.

личие четкой организационной структуры и развитой догматической системы наряду с принципом отделения института церкви от государства, причем не в последнюю очередь по образцу протестантизма евангелической традиции, ставшим наиболее влиятельной ветвью христианства в Корее в тот период[2].

Однако уже в 1912 году Сон Бёнхи провозглашает доктрину *кёджон ильчхи* (교정일치, 教政一致), то есть «единство религии и политики», демонстрируя возвращение к более ранним представлениям. При этом лежащая в основе «Чхондогё» и по сути своей «революционная», то есть изначально направленная на насильственную смену текущего строя и внеинституциональной борьбы за власть, и ключевая для всех так называемых «новых религий» (신종교. 新宗教) Кореи концепция *кебёк* (개벽,開闢) или «великое раскрытие», подразумевавшая в трактовке «Тонхак» и «Чхондогё» способность народных масс своими силами изменить мир к лучшему, — эта концепция имела довольно антитрадиционный и даже радикальный для строго конфуцианской среды характер, обозначаемый обычно выражением *вонсибанбон* (원시반본, 原始反本), или «отрицание старого». В этом плане ее даже можно сравнить с самой концепцией «революции», как описывал оную, например, Ален Турен[3]. Поэтому в академической среде Республики Кореи ее также очень часто именуют не иначе как «идеология» (사상, 思想). Вдохновленное же ею восстание «Тонхак» 1894–1895 годов часто обозначают аналогичным термином «революция» или *хёнмён* (혁명, 革命).

Впрочем, упоминание так называемой религиозной «маски» многих народных выступлений также очень часто встречается и в работах представителей марксистской школы. Так, сам Маркс указывал, что любая религия по своей сути есть «протест против страданий в реальности»[4], и, например, «нет ничего проще, чем придать христианскому аскетизму социалистический оттенок»[5]. Энгельс же прямо утверждал, что до определенного момента и стадии в развитии общества «классовая борьба всегда была “облечена в религиозную шибболету”, а классовые интересы обычно скрывались за “религиозным экраном”». Причиной тому

2. Там же.
3. Touraine, A. (1990) “The Idea of Revolution”, *Theory, Culture & Society* 7(2): 121–141.
4. Mckown, B. D. (1975) *The Classical Marxist Critiques of Religion: Marx, Engels, Lenin, Kautsky*, p. 89. Hague: Martinus Nijhoff.
5. Ibid, p. 55.

является то, что в конечном итоге одной из основных функций религии, по его мнению, является сакрализация основных ценностей группы и наложение табу на все, что она обычно ненавидит или презирает[6].

На этом фоне вполне социалистической выглядит и идея осуществления *кебёк* как освобождение мира от *какчависим* (각자위심, 各自爲心). Под этим термином обычно понимались раздробленность общества и совокупность эгоистических или даже «буржуазных» стремлений как каждого отдельного человека, так и всего общества в целом, а также неизбежность установления нового мира всеобщего счастья и равенства — *чисан чхонгук* (지상천국, 地上天國), или «рая на земле». Для его обозначения также использовался термин *хучхон* (후천, 後天), то есть «Небо после».

Последний подчеркивает характерную для *кебёк* идею цикличности, которая отчасти является продолжением типичной для конфуцианской среды концепции «Небесного мандата» (천명, 天命), но без наличия явной фигуры добродетельного правителя и его династии. Согласно изначальной трактовке идеи Чхве Джеу, к концу пятидесятитысячелетнего цикла наступает упадок и смута. В дальнейшем, правда, границы цикла передвигались в зависимости от трактовки различных духовных лидеров и основанных ими религиозных движений. Сама же нестабильность, как считалось, не в последнюю очередь была вызвана нарушением ключевой для конфуцианства гармонии между верхами и низами общества, что в условиях позднего Чосона оформилось в виде идеи *сонхакчисанджуи* (성학지상주의, 聖學至上主義), подразумевавшей приоритет следования морали перед теоретическими рассуждениями о ней.

Это привело к сильному смещению на полуострове основного акцента в трактовке конфуцианских текстов с *ин* (인, 仁), то есть «человеколюбия», на *е* (예, 禮) «этикет», вследствие чего появилось огромное количество строгих ритуалов и усилился контроль над соблюдением самых мелких деталей различных обязательных и зачастую сакральных по своей сути церемоний, быстро смешавшихся с повседневной жизнью высшего сословия, но так и оставшихся совершенно непонятными для большинства населения полуострова. Единственным способом избавиться от подобного разрыва, согласно учению *чхондо*, является непосредственно

6. Ibid, p. 88.

кебёк, который в идеале ведет к изменению не только общества, но и всего мироздания в целом[7].

Здесь отчасти прослеживается очевидная корреляция данной концепции с изоляционистскими движениями религиозного характера, ставшими повсеместными в странах Восточной Азии в период экспансии европейских держав в этом регионе.

Среди них можно, например, отметить восстание Тайпинов, также стремившихся реализовать идею *чисан чхонгук* в виде «Небесного царства великого благоденствия» (太平天国), причем похожее сочетание иероглифов встречается также и в работах самого идейного основателя «Тонхак» и «Чхондогё» — Чхве Джеу и его интерпретаторов[8], а также многочисленных ответвлениях культа Будды будущего Майтреи, пришествие которого должно было ознаменовать наступление нового справедливого мира, что обеспечило ему большую популярность в Восточной Азии.

Однако в отличие от большинства этих религиозных течений, учение Небесного пути отличается относительной продолжительностью своего активного существования, которое не прекращается и по сей день. Не последнюю роль в этом сыграла характерная и хорошо проработанная, по сравнению с вышеописанными движениями, система догматов.

Кроме *кебёк*, особое место в доктрине «Чхондогё» также занимают концепции *инсичхон* (인시천, 人是天), *иннэчхон* (인내천, 人乃天) и *погук анмин* (보국안민, 輔國安民). Первый термин является ключевым для понимания всех корейских «новых религий», основанных на традициях «Тонхак» и *кебёк*, и, в частности, «Чхондогё», поскольку оно чаще всего воплощает в восприятии их последователей принцип равенства бога и человека. Отсюда, как считают некоторые исследователи, происходит и название верховного единого божества «Чхондогё» и «Тонхак» — *Хануллима* (한울님)[9], один из вариантов расшифровки которого — «большие мы», или «небо и мы».

Иннэчхон же представляет собой развитие концепции *сичхонджу* (시천주, 侍天主), которую обычно интерпретируют примерно как «служение Небу внутри себя», и план избавления от *какча-*

7. *Юн Сыннён*. Хангук синчонгёва Кебёк сасанг [Новые религии Кореи и идеология Кебёк]. Сеул: Издательство Чхониль, 2017. С. 82–83.

8. Там же. С. 197.

9. *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб: Издательство СПбГУ, 2009. С. 212–214.

висим. Суть *иннэчхона* сводится к тому, что сам человек не просто является равноценным трансцендентно-божественному Небу, но в понимании *чхондо* содержит его в себе, погребенного под слоем бытовых хлопот и эгоистических стремлений к индивидуальной выгоде, так что его необходимо расчистить, чтобы до него добраться.

Последнее же понятие переводится обычно как «помощь стране и улучшение жизни народа», что опять же во многом является продолжением конфуцианской традиции. Иными словами, человек должен содействовать развитию и процветанию государства, обеспечивая благоденствие населения, а значит, и свое собственное. В долгосрочной же перспективе предполагается объединение всего мира под эгидой общих ценностей мира и процветания[10].

Эти принципы нашли свое воплощение и в структуре организации. Ее основой являлась система *ёнвон* (연원조직, 淵源組織), сохраняющаяся в «Чхондогё» и сейчас. Главная ее особенность — прикрепление к каждому новообращенному действующего члена организации, который становится его покровителем и финансовым спонсором. Ментор, или *чонгёин* (전교인, 傳教人), также, в свою очередь, мог быть на попечение у другого человека или же нести ответственность за кого-нибудь еще.

Главным же управляющим органом, окончательно оформившимся к началу 1920-х годов, стал *Чоннивон* (종의원, 宗議院), состоявший из 60 человек, изначально по одному от каждого «избирательный округа», в который входило 500 домохозяйств. Правом голоса обладал любой последователь старше 18 лет, вне зависимости от пола и происхождения. Баллотироваться же разрешалось с 25 лет. В задачи Чоннивона входило рассмотрение проектов бюджета вместе с принятием законов и правил, действующих внутри организации. За исполнительную власть и деятельность движения отвечал *Чонмувон* (종무원, 宗務院), который обычно контролировался лидером движения. На *Чонбобвоне* (종법원, 宗法院) лежала ответственность за образование и распространение учения[11]. Во многом эти структуры продолжали традицию так называемых *чибкансо* (집강소, 執綱所) — совещательных

10. Young, C. F. (2007) *Eastern Learning and the Heavenly Way: The Tonghak and Chondogyo Movements and the Twilight of Korean Independence*, pp. 117–118. Honolulu: University of Hawaii Press.

11. *Ко Пёнчхоль, Кан Донгу, Чо Хёнбом*. 2018 нён Чонгё Хёнхван [Текущая религиозная ситуация в Республике Корея за 2018 год]. Сеул: Министерство культуры, спорта и туризма, 2018. С. 72–73.

органов власти, создаваемых на местах восставшими во время волнений «Тонхак»[12].

Если суммировать характерные особенности учения и его институциональное оформление, то стоит отметить его относительную демократичность и высокую институционализацию — по сравнению как с другими новыми религиозными течениями того времени, так и вполне секулярными общественными объединениями, зачастую имевшими исключительно вождистский характер, то есть теми, которые были крайне зависимы от конкретного харизматичного лидера.

Кроме того, отдельно стоит выделить присутствующий во всех аспектах деятельности «Чхондогё» национализм. Неудивительно, что представители левых движений очень часто эту организацию определяли как «национальную» или даже «националистическую», но в то же время подчеркивался и ее «революционный» характер[13]. Чан Сокман связывал это с изначальной особенностью «Тонхак», в самом назывании которого, по его мнению, иероглиф *тон* (동,東) означал не «Восток», как трактуют его многие западные и российские исследователи, подчеркивая через него антизападный характер восстания, а «Корея» и являлся отсылкой к традиционному наименованию этой страны в китайских хрониках, а позже и в различных письменных источниках самого Чосона как «Восточного государства» или *Тонгук* (동국, 東國)[14]. Иными словами, многие примкнувшие к движению люди, скорее всего, видели в нем некое подобие культа нации и попытку создать «корейскую религию».

Кроме того, благодаря более развитой по сравнению с другими корейскими организациями начала XX века административной системе и из-за своего националистического характера — наряду с требованиями доктрины *кебёк* — вполне естественно, что именно «Чхондогё» взяло на себя роль инициатора и главного организатора наиболее массового антияпонского Первомартовского движения 1919 года[15], а одним из основных его руководителей стал

12. *Син Ёнха.* Кабо Нонминчонджэн Сигиэ Нонминчибкансоэ Хвальдон [Деятельность чибкансо в период Крестьянской войны года Кабо] // Хангук Мунхва [Корейская культура]. 1985. № 6.

13. Краткое содержание писем «Чрезвычайного пункта связи» («Тхыкпер-Еллакпу») в Шанхае в ЦК ККП. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 124. Л. 103–103 об.

14. *Чан Сокман.* Хангук Кынде Чонгёран Муосинга? С. 166–167.

15. *Гайкин В.А.* Корейское студенчество в Японии и «Декларация независимости» 1919 г. // Россия и АТР. 2011. № 1.

сам Сон Бёнхи. Он также был выдвинут заговорщиками на должность президента будущей республики. Стоит отметить, что этой организации в тот момент впервые удалось объединить различные группы националистов, отдельных христианских и буддийских активистов, рабочих, реакционеров и многих других представителей обоих полов из различных слоев глубоко иерархичного и крайне патриархального корейского общества под эгидой единого антияпонского движения[16].

Поэтому члены «Чхондогё» принимали участие и в работе созданного вскоре после событий 1919 года Шанхайского правительства в изгнании. Примером тому является бывший протестантский пастор и вице-председатель государственного совета Чхве Доно, получивший также должность министра юстиции[17].

В мае 1922 года умер Сон Бёнхи. Это событие стало катализатором процессов разложения организации, начавшихся еще при его жизни, но сдерживаемых его авторитетом. В результате оно окончательно разделилось на два лагеря: *Синпха* (신파, 新派) и *Купха* (구파, 舊派), то есть на «новую» и «старую школу», в основе размежевания которых лежали споры о будущем «Чхондогё».

Представители первого лагеря говорили о необходимости ревизии религиозных догматов Чхве Джеу и Сон Бёнхи. Их лидером, после нескольких перестановок, стал Чхве Рин, который придерживался умеренных и более прояпонских взглядов. Ярче всего его идеи нашли свое отражение в статье его сторонника Ли Гвансу, вышедшей в майском номере издаваемого «Чхондогё» журнала «Кебёк» за 1922 год под названием «Рассуждения о реформах корейского народа». В ней он, отталкиваясь от неудачи Первомартовского движения, говорил о бесполезности «революции», называя ее болезнью, которая не способна вылечить Корею. В качестве альтернативы им предлагалась программа постепенных реформ и просвещения народа в соответствии с «духом кебёк»[18].

На этом примере прослеживается результат переосмысления со стороны новообразованного ответвления идей кебёк, который теперь стал пониматься не в значении «революции», а как *кехёк* (개혁, 改革), то есть реформы. В дальнейшем именно в этом значе-

16. *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М: Институт Дальнего Востока РАН, Центр Корейских Исследований, 2008. С. 27.

17. Дело Цой Дон О. РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 228. Д. 708. Л. 1.

18. *Ершова Е.В.* Религиозное общество «Чхондогё»: история, политика, идеология // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества, под ред. И.А. Толстокулакова. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2004.

нии эту доктрину чаще всего будут использовать такие влиятельные корейские «новые религии», как вон-буддизм (원불교, 圓佛教) или Тесунчиллихве (대순진리회, 大巡眞理會).

Однако вскоре и само Синпха стало распадаться на более мелкие фракции, среди которых особого упоминания заслуживает общество *Чхонудан* (청우당, 靑友黨). На момент своего появления 2 сентября 1923 года оно включало в себя примерно 95 организаций в 11 провинциях с 30 тысячами сторонников. «Чхонудан» выдвигало наиболее остросоциальные и националистические лозунги, чем завоевало немалую популярность среди наиболее бедных слоев населения, в особенности занятых в аграрном секторе. Его активисты продвигали идеологию кебёк в ее изначальной интерпретации и проводили акции неповиновения японской администрации[19].

Опорой общества «Чхонудан» была молодежь, «осознавшая свою историческую роль в деле борьбы за новую этику и человека». Согласно уставу, управление строилось на принципах «народовластия» в виде некого подобия всеобщего «партийного съезда». В перерывах между съездами «Чхонудан» управлялось штаб-квартирой во главе с председателем, в которую входили комитеты, исполнявшие роль министерств[20].

Купха же возглавил Пак Инхо, стоявший на позициях консерватизма относительно духовных основ движения. Объединение стало вторым по численности осколком созданного Сон Бёнхи организации, и его ядро составили 257 местных религиозных объединений с 26 326 последователями. Тем не менее, партикуляризм стал проявляться и в нем.

Впрочем, несмотря на появление внутри «Чхондогё» все большего количества мелких фракций, «Небесный путь» на протяжении всего второго десятилетия сохранял уверенные позиции в корейском обществе, по влиянию на которое с ним могли поспорить лишь протестантизм и католицизм.

Проследить это представляется возможным, в частности, в деятельности Купха, которую современная организация «Чхондогё» в Республике Корея считает предшественником и единственным продолжателем дела «Тонхак» и идей Сон Бёнхи. Ее лидер,

19. *Ершова Е. В.* Религиозное общество «Чхондогё»: история, политика, идеология.

20. *Толстокулаков И. А.* Идеология национально-освободительного движения Кореи в период японского протектората // Известия Восточного института. 2012. № 20(2). С. 158– 159.

Пак Инхо, и так называемое «революционное крыло» со временем стали все больше симпатизировать коммунистическим идеям и марксистской идеологии.

К тому времени уже была выпущена директива Коминтерна, которая гласила:

> По отношению к организациям, затушевывающим революционный характер корейского освободительного движения, но связанным с рабочими и крестьянскими массами (религиозные и другие), относиться с сугубой осторожностью, проникать в эти организации, поддерживать все их революционные выступления. Для обеспечения правильного развертывания работы ЦК последнему необходимо в течение ближайшего времени выделить 3-5 человек в качестве разъездных агентов-инструкторов...[21]

Одним из следствий этого стало сближение «Чхондогё» с Коммунистической партией и другими левыми силами. Как результат, организация достигла договоренности об организации совместного июньского выступления, приуроченного к смерти последнего корейского императора Сунджона, которое в перспективе должно было перерасти в более масштабную акцию.

Невзирая на неудачу в организации полномасштабного народного восстания, руководство Коминтерна увидело в «Чхондогё» потенциал для сотрудничества и начала «революции». В данном случае марксистские представления о религии как о «вздохе угнетенного существа» и инструменте для оправдания эксплуатации со стороны правящего класса оказались не столь важны. Во-первых, свою роль здесь могла сыграть ориентация учения «Чхондогё» на «построение рая» в этом мире, что могло показаться близким к коммунистическому обществу, а также фактически вытекающее из этого игнорирование идеи спасения в следующем. Во-вторых, определенную роль могло сыграло и отсутствие в «Чхондогё» четкой доктрины персонализированной и монотеистической божественной сущности, что не совсем вписывалось в общераспространенную на Западе и чаще всего описанную в работах Маркса и его последователей авраамическую модель.

Уже в мае 1926 года Павлов в своем письме указывает, что им удалось установить связь с «Чхондогё» и что было приня-

21. Резолюция «Ближайшие организационные задачи корейских коморганизаций» от 21 сентября 1925 г. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 104. Л. 60–62.

то решение «войти в редакции газет и использовать их шире для нашей агитации». Кроме того, по его словам, правая и левая группы «Чхондогё» в переговорах согласились с идеей «необходимости образования единого национального революционного фронта». В рамках этого, в частности, планировалось организовать «широкие крестьянские союзы и усилить Объединенную Федерацию Рабоче-Крестьянских союзов», к которым причисляли и «Чхондогё»[22].

В январе 1927 года Г. Н. Войтинский в своем письме руководителю корейского отделения Коминтерна Ф. Ф. Раскольникову пишет о том, что совместное с «нашими товарищами из революционного крыла Чхондогё» антияпонское выступление 10 июня создало «новые революционные настроения» среди всех национальных и «идейных» организаций в Корее. Далее он добавляет, что уже начал переговоры с представителями некоторых из них, в частности, с делегатом от «Небесного пути» в Шанхае Чхве Донхи[23].

Согласно архивным данным, задачей данной политики стал проект Коминтерна по созданию единой «национально-освободительной» партии Кореи по примеру китайского Гоминьдана с целью прекращения бесконечных фракционных столкновений в стане антияпонских движений, единственной подходящей основой для которой виделась лишь «Чхондогё». Даже указывалось на тождественность «революционных традиций» Гоминьдана и «Чхондогё».

О поддержке подобной инициативы высказывалась и Коммунистическая партия. Ее председатель ЦК Ким Чер Су даже называл это религиозно-политическое движение самой сильной «национально-революционной» организацией на полуострове[24]. «Чхондогё» отвечало взаимностью в лице ее делегата в Шанхае Чхве Донхи, настаивавшего на включении в инициативную группу в первую очередь представителей «Небесного пути» в блоке с коммунистами[25].

22. Письмо Павлова (Нам Май Чхуна) в Восточный отдел ИККИ Б. Васильеву о работе Загранбюро ККП в Шанхае. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 117. Л. 58–59.

23. Письмо Г. Н. Войтинского Ф. Ф. Раскольникову о положении в корейском коммунистическом движении от 10 января 1927. РГАСПИ. Ф.495 Оп. 45. Д. 17. Л. 28–29.

24. Заявление Ким Чен Су в корейскую комиссию ИККИ от 5 марта 1927 года. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 45. Д. 19. Л. 48.

25. Там же. Л. 49.

Лоббированием этого предприятия непосредственно в Исполнительном комитете Коммунистического интернационала занимался представитель подконтрольной «Чхондогё» и ориентированной на крестьян организации *Нонминса* (농민사, 農民社) Пак Чинсун (в архивных документах его имя обычно переводят как Пак Динь Шунь), являвшийся по совместительству секретарем корейской делегации. Он прибыл в Москву еще в 1925 году, и при его содействии в следующем году «Нонминса» была принята в Крестинтерн, а несколько членов «Чхондогё» получили разрешение и затем приехали на обучение в Интершколу. Стоит отметить, что далеко не все из них добрались до Москвы, что было связано в первую очередь с демонстрацией ими «полного незнания позиции и работы их организации» и возникшим отсюда подозрением со стороны служб безопасности СССР[26].

Сам Пак Чинсун был из семьи корейских эмигрантов в Приморье. Там же он окончил школу и стал учителем. Затем он принимал участие в Гражданской войне в России на стороне большевиков, а в 1919 году переехал в Москву в качестве делегата Корейской социалистической партии. В 1922 году он поступил на философский факультет МГУ. С тех пор Пак Чинсун время от времени участвовал в обсуждении взаимоотношений с корейскими коммунистами в ИККИ. В 1925 г. по заданию Коминтерна Пак Чинсун был направлен в Восточную Маньчжурию, где, по-видимому, и присоединился к «Чхондогё». Осенью 1925 года он прибыл в Москву уже с представителями «Нонминса», которых, как он утверждал, организовал и привез туда[27].

С идеологической точки зрения Пак Чинсун считал «Чхондогё» потенциально коммунистической организацией. Он писал, что, хотя в его философии есть идеалистические религиозные элементы, рациональным ядром его мировоззрения все-таки является монистический материализм. Именно поэтому им и было принято решению способствовать сближению «Чхондогё» и Коминтерна:

> Я полагаю, что необходимо корейским коммунистам работать внутри масс «Чхондогё», в одной из крупнейших организаций в Ко-

26. Протокол приема представителя «Чосон-нонминса» от 9.10.1926. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 82. Л. 77–78.

27. Записка Б.А. Васильева «Краткий материал к работам корейской комиссии» от 16.01.1927. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 144. Л. 3–4.

> рее, для завоевания крестьянских масс, идущих за ней, для закрепления своего влияния среди них правильными организационными мероприятиями[28].

Таким образом, для многих представителей Коминтерна и в целом коммунистического движения доктрина и деятельность «Чхондогё» совпадала с идеями «революции» в марксистском или скорее ленинско-марксистском ее понимании. Так, например, вышеупомянутый Пак Чинсун был главой шанхайской группировки корейских коммунистов, но после ряда фракционных конфликтов вступил в «Чхондогё» и стал представителем «Нонминса» в Крестинтерне. Однако даже с этого поста он продолжал обвинять Корейскую коммунистическую партию в пассивности и пособничестве японцам[29].

При этом Пак Чинсун не переставал способствовать сотрудничеству «Чхондогё» и коммунистических сил. В своем письме Сталину он прямо заявляет:

> Корейская Крестьянская Лига — дочерняя организация старой революционной крестьянской организации «Чхондогё» с религиозным оттенком, руководившей великим крестьянским восстанием 1894 г. и антияпонским восстанием 1919 г. Она издает 6 влиятельных ежемесячных журналов, обслуживающих нужды революционного движения (крестьянское, юношеское, национально-революционное, женское и др.). «Чхондогё» для Кореи то же, что для Китая Гоминьдан…[30]

В 1927 году, когда делегация от «Чхондогё» во главе с Пак Инхо принимала участие в формировании объединенного фронта правых и левых сил антияпонского «революционного» движения — *Синганхвэ* (신간회, 新幹會), им был принят ряд важных решений относительно будущего Кореи и мер по противодействию фракционизму. Тем не менее, просуществовал он лишь 4 года и был распущен в 1932 году опять же из-за внутренних противоречий[31].

28. ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 615–616.

29. Заседание корейской комиссии ИККИ 15 января 1927 года. РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 45. Д. 12. Л. 9.

30. Письмо Пак Динь Шуня И. В. Сталину, Н. И. Бухарину, О. В. Куусинену и Ф. Ф. Петрову (Раскольникову) об отношении к «Чхондогё» от 12 ноября 1926. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 127. Л. 97–98.

31. *Чон Ылгён.* Илджеканджомги Пак Инхоэ Чхондогё хвальдонгва миджок ундон [Деятельность Пак Инхо в «Чхондогё» в период японского правления и народное

После этих событий «революционная» деятельность «Чхондогё», несмотря на многочисленность ее адептов, постепенно сходит на нет, о чем, например, свидетельствует доклад Л. И. Мадьяра на конференции в Коммунистическом университете трудящихся Востока от января 1929 года, в котором заметно серьезное изменение в отношении к организации.

В ответ на вопрос, чем занимается «Учение Небесного пути», он говорит следующее:

> Вот большая загадка корейского революционного движения. Эта организация находится под буржуазно-националистическим руководством — это раз, и, во-вторых, основную массу ее членов составляет крестьянство. Однако в крупнейших промышленных центрах ее влияние слабо[32].

Численность же ее Мадьяр оценивает в районе 250–500 тысяч человек, хотя и замечает, что определить это достаточно сложно ввиду «специфических особенностей восточных массовых организаций». Однако он без сомнения определяет ее в корейских условиях как «массовую». Кроме того, эта организация, по его словам, имеет здания и имущество, что является очень значимым достижением. Тем не менее, Мадьяр отмечает заметный застой в активности движения, деятельность которого к этому периоду совершенно замерла. В заключение он подчеркивает, что «Небесным путем» так и не была создана какая-либо экономическая программа, а само «Чхондогё» «в основном является как будто организацией религиозной»[33].

Непрекращающаяся фракционная борьба сильно сказывалась на ресурсах радикально настроенной части движения, действия которой становились все менее заметными. К одним из последних значительных акций «Небесного пути» относится так называемое «Движение молитвы за освобождение родины и поражение Японии» (멸왜기도운동, 滅倭祈禱運動), начатое по инициативе Купха и лично ее духовного лидера Пак Инхо, хотя и не все в организации поддержали его инициативу.

движение] // Хангуктоннипундонсаёнгу [Исследования истории движения за независимость Кореи]. 2009. № 33.

32. Стенограмма объединенного собрания корейской и японской группы КУТВ. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 86. Л. 14–15.

33. Там же.

Несмотря на то, что оно представляло из себя лишь периодическое совершение религиозных ритуалов и было быстро раскрыто, сегодня оно часто воспринимается в Корее как важная часть «революционной» борьбы. Так Чон Ылькён указывает:

> Хотя «Движение молитвы за освобождение родины и поражение Японии» сильно отличалось по форме от других антияпонских выступлений и было достаточно быстро раскрыто, оно могло иметь глубокий психологический эффект... особенно важный в условиях текущих в то время военных действий[34].

Так или иначе, после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии «Чхондогё» ожидала та же судьба, что и большинство подобных организаций: оно было разделено надвое. Ввиду того, что с 1910-х годов большинство неофитов организация обретала в северных районах полуострова, его центр переместился в КНДР. В новообразованной республике насчитывалось примерно 102 прихода и около полумиллиона домохозяйств, относящих себя к «Чхондогё»[35].

В декабре 1945 года многие лидеры движения вступили в Единый демократический национальный фронт, объединивший в себе недовольных новым курсом Ким Ир Сена. Благодаря мерам по упорядочиванию то тут, то там возникающих политических объединений фракционизм ушел на второй план. Вскоре оставшиеся сторонники «Небесного пути» объединились под руководством Ким Дархёна, лидера общества «Чхонудан.» Это привело к тому, что 5 февраля 1946 года последнее было реорганизовано в полноценную политическую партию, позиционирующую себя как защитника интересов крестьянства и представителя всего «Чхондогё», которая, несмотря на значительные чистки в начале 1950-х годов, вызванные подготовкой к совместному с южным отделением выступлением против оккупации полуострова, до сих пор сохраняет свое присутствие на политической арене КНДР[36].

Подводя итог, стоит заметить, что из-за характерных особенностей учения «Чхондогё» и его антияпонской деятельности Коминтерн увидел в ней не только «народную» и «революционную»,

34. *Чон Ылгён.* Илджеканджомги Пак Инхоэ Чхондогё хвальдонгва миджок ундон.

35. *Ершова Е. В.* Религиозное общество «Чхондогё»: история, политика, идеология.

36. *Ланьков А. Н.* Неформальная история Северной Кореи. М.: Восток-Запад, 2004. С. 68.

но даже отчасти и «коммунистическую» организацию. Сами корейцы, в свою очередь, также, по-видимому, воспринимали идеи марксистской классовой революции как нечто похожее на их представления о *кебёк* и наоборот. Тем не менее, для них секулярные, на взгляд европейца, идеи о равенстве, демократии, классовой борьбе, свободе и эксплуатации были неотделимы от религиозной составляющей.

С другой стороны, лишь «Чхондогё» обладало достаточно хорошей организацией, напоминавшей государственную, и привлекательной для большинства населения программой построения «рая на земле» наряду со стремлением к единению Неба и человека, что делало его отличным кандидатом на роль основы для общенациональной «революционной» корейской партии в глазах членов Коминтерна, несмотря на ее глубоко религиозные корни и антирелигиозный характер самого международного коммунистического движения.

Библиография / References

Архивные материалы

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Ф. 495 — Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943)

Оп. 45. Д. 12, л. 9. Д. 17, л. 28–29. Д. 19, л. 48.

Оп. 135. Д. 104, л. 60–62. Д. 117, л. 58–59. Д. 124, л. 103–103 об. Д. 127, л. 97–98. Д. 144, л. 3–4.

Оп. 228. Д. 708. Л. 1.

Ф. 532 — Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921–1938); Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем (НИИ НКП) (1936–1939)

Оп. 1. Д. 86. Л. 14–15.

Ф. 535 — Крестьянский интернационал (Крестинтерн) — Международный крестьянский совет (МКС) (1923–1931)

Оп. 1. Д. 82. Л. 77–78.

Литература

Асмолов К.В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. — М: Институт Дальнего Востока РАН, Центр Корейских Исследований. 2008.

ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

Гайкин В.А. Корейское студенчество в Японии и «Декларация независимости» 1919 г. // Россия и АТР. 2011. № 1.

Ершова Е.В. Религиозное общество «Чхондогё»: история, политика, идеология // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества / отв. ред. И.А. Толстокулакова. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2004.

Ланьков А. Н. Неформальная история Северной Кореи. М.: Восток-Запад. 2004.

Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб: Издательство СПбГУ, 2009.

Ко Пёнчхоль, Кан Донгу, Чо Хёнбом. 2018 нён Чонгё Хёнхван [Текущая религиозная ситуация в Республике Корея за 2018 год]. Сеул: Министерство культуры, спорта и туризма, 2018.

Син Ёнха. Кабо нонминчонджэн сигиэ нонминчибкансоэ хвальдон [Деятельность чибкансо в период Крестьянской войны года Кабо] // Хангук Мунхва [Корейская культура]. 1985. № 6.

Толстокулаков И. А. Идеология национально-освободительного движения Кореи в период японского протектората // Известия Восточного института. 2012. № 20(2).

Чан Сокман. Хангук кынде чонгёран муосинга? [Что такое корейская современная религия?]. Сеул: Издательство Чхониль, 2017.

Чон Ылгён. Илджеканджомги Пак Инхоэ Чхондогё хвальдонгва миджок ундон [Деятельность Пак Инхо в Чхондогё в период японского правления и народное движение] // Хангуктоннипундонсаёнгу [Исследования истории движения за независимость Кореи]. 2009. № 33.

Юн Сыннён. Хангук синчонгёва Кебёк сасанг [Новые религии Кореи и идеология Кебёк]. Сеул: Издательство Чхониль. 2017.

Archival materials

F. 495 — Ispolnitel'nyi komitet Kominterna (IKKI) (1919–1943) [Executive Committee of the Comintern (ICCI) (1919–1943)]

Op. 45. D. 12, l. 9. D. 17, l. 28–29. D. 19, l. 48.

Op. 135. D. 104, l. 60–62. D. 117, l. 58–59. D. 124, l. 103–103 ob. D. 127, l. 97–98, D. 144. L. 3–4.

Op. 228. D. 708. L. 1.

F. 532 — Kommunisticheskii universitet trudiashchikhsia Vostoka (KUTV) (1921–1938); Nauchno-issledovatel'skii institut natsional'nykh i kolonial'nykh problem (NII NKP) (1936–1939) [Communist University of the Working People in the East (1921–1938), Research Institute of National and Colonial Problems (1936–1939)]

Op. 1. D. 86. L. 14–15.

F. 535 — Krest'ianskii internatsional (Krestintern) — Mezhdunarodnyi krest'ianskii sovet (MKS) (1923–1931) [Peasant International (Kreststern) — International Peasant Council (1923–1931)]

Op. 1. D. 82. L. 77–78.

Literature

Asmolov, K. V. (2008) Koreiskaia politicheskaia kul'tura: traditsii i transformatsiia [Korean Political Culture: Traditions and Transformation], M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, TSentr Koreiskikh Issledovanii.

Ershova, E. V. (2004) "Religioznoe obshchestvo «CHkhondogë»: istoriia, politika, ideologiia" [Religious Society "Cheondogyo": history, politics, ideology], *Rol' religioznogo faktora v zhizni koreiskogo obshchestva*. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House.

Gaikin, V. A. (2011) "Koreiskoe studenchestvo v IAponii i «Deklaratsiia nezavisimosti» 1919 goda" [Korean Students in Japan and the "1919 Declaration of Independence"], *Rossiia i ATR. No.* 1.

Jang Seok-man (2017) *Hangukgeundaejonggyoran Mueosinga?* [What is Korean modern religion?]. Seoul: Cheonilmunhwasa.

Jeong Eulg-yeong (2009) "Iljegangjeomgi Baginhoui Cheondogyohwaldonggwa Minjogundong" [Bag In-ho's Activities in Chondogyo during Japanese Reign and Popular Movement], *Hangukdokribundongsayeongu*. Je 33 Jip.

Ko Byeong-cheol, Kang Dong-gu, Cho Hyeong-Beom (2018) *2018 Nyeon angugui jonggyohyeonhwang* [Current Religious State in the Republic of Korea for 2018], Seoul: Ministry of Culture, Sports and Tourism.

Kurbanov, S. O. (2009) *Istoriia Korei: s drevnosti do nachala 21 veka* [The History of Korea: From Antiquity to the Beginning of the 21st Century], St. Petersburg: SPbU Publishing House.

Lan′kov, A. N. (2004) *Neformal'naia istoriia Severnoi Korei* [Informal history of North Korea], M.: Vostok-Zapad.

Mckown, B. Delos (1975) *The Classical Marxist Critiques of Religion: Marx, Engels, Lenin, Kautsky*. Hague: Martinus Nijhoff.

Sin Yong-ha (1985) "Gabonongminjeonjaeng Sigiui Nongminjipgangsoui Hwaldong" [The activities of Jipgangso during the Peasant War of the year Gabo], *Hangukmunhwa*. Je 6 Jip (in Korean).

Tolstokulakov, I. A. (2012) "Ideologiia natsional′no-osvoboditel′nogo dvizheniia Korei v period iaponskogo protektorata" [The ideology of the Korean national liberation movement during the Japanese protectorate], *Izvestiia Vostochnogo instituta* 20(2).

Touraine, A. (1990) "The Idea of Revolution", *Theory, Culture & Society* 7(2): 121–141.

Young, Carl F. (2007) *Eastern Learning and the Heavenly Way: The Tonghak and Chondogyo Movements and the Twilight of Korean Independence*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Yun Seung-yong (2017) *Hanguk Sinjonggyowa Gaebyeoksasang* [The New Religions of Korea and the Ideology of Gaebyeok]. Seoul: Cheonilmunhwasa.